

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Г60

Jaclyn Goldis
THE CHATEAU

Серия «Объявлено убийство»

Печатается с разрешения литературного агентства
Nova Littera SIA. in arrangement
with Baror International, Inc., Armonk, New York, USA

Перевод с английского *Клемешова Александра*

Оформление обложки *Воробьева Александра*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена.

Голдис, Жаклин.

Г60 Шато: [роман] / Жаклин Голдис; — [перевод с английского А. Клемешова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Объявлено убийство).

ISBN 978-5-17-163155-0

Добро пожаловать в Прованс! Старые винодельни, живописные лавандовые поля и... готические замки, полные нераскрытых тайн. Именно сюда Серафина Демаржеласс, владелица шато, приглашает погостить и вспомнить былое свою внучку и трех ее подруг.

Вот только шумная вечеринка заканчивается трагедией: Серафина зверски убита, а в доме нет посторонних... На чердаке завывает ветер, старые доски жалобно скрипят, и подозрения растут с каждой минутой. Кто мог желать смерти милой старушке? Неужели дело в деньгах? Или все куда запутаннее?

В тот же вечер кто-то начинает атаковать девушек с анонимного аккаунта, владелец которого, кажется, знает о них все.

Четырем подругам предстоит понять: есть секреты, за которые стоит убивать...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-163155-0

© 2023 by Jaclyn Goldis

© Клемешов А., перевод, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЖЕЙД

Перед восходом солнца, сразу после того, как я вернулась в свою комнату и снова погрузилась в сон, я просыпаюсь от крика. Подскакиваю в постели, стаскиваю с лица маску для сна. Протягиваю руку, чтобы включить лампу: где же выключатель? Глубокой ночью усугубляется дезориентация в пространстве, особенно когда вы находитесь на другом конце света в чужом доме. Наконец, я нащупываю кнопку и щурюсь, когда свет заливает огромное полупустое пространство комнаты, камин из мрамора и высокие окна, обрамленные тонкими кремовыми шторами. Снаружи по стеклам еле слышно стучат ветви дуба, покрытые пышной листвой. В воцарившейся густой тишине анализирую хриплый отчаянный звук, который, как мне показалось, я слышала. Не приснился ли он мне? Я откидываюсь в уютное гнездышко из подушек. Полагаю, так оно и было.

Хватаю свой телефон, чтобы посмотреть, не написал ли кто из девочек. Сообщений нет, к счастью, как и уведомлений от аккаунта *@imwatchingyou88**. Только время мигает мне в ответ. 6:05. Так что, вернувшись со своего маленького задания, я не проспала и десяти минут. Мое сердце колотится в груди — видел ли меня кто-нибудь? Кто-нибудь знает?

* Я слежу за тобой (*англ.*).

Нет. Невозможно. Я заставляю свой разум переключиться на другие события — на тот факт, что мой день рождения официально закончился. Сорок. Слава господу! Тридцать девять лет казались мне сумасшедшей гонкой, но теперь, вступив в новое десятилетие, я снова напоминаю себе, что у меня есть все, о чем я когда-либо мечтала. Добрый красавец-муж, двое замечательных детей, карьера, неуклонно стремящаяся вверх. И я сексуальнее, чем когда-либо, сексуальнее даже, чем большинство двадцатичетырехлетних девушек, которые жаждут посещать мои спин-классы*. Наши сорок — это ведь не сорок наших бабушек, верно?

Мою неубедительную самоободряющую речь прерывает еще один вопль. У меня перехватывает дыхание, и я жадно глотаю воздух. От этого звука чуть не лопаются барабанные перепонки. Я никогда не слышала такого звериного воя. И его происхождение ясно. Это голосит Дарси.

Я улавливаю шаги за дверью. Арабель?

— Бель? — Не получив ответа, я кричу: — Иду, Бель! — Эти несколько слов, которые мне удается произнести, словно наждачной бумагой царапают горло. Я нужна Дарси. Мы нужны. Хоть кто-нибудь. Но я все равно будто пригвождена к месту льняным одеялом.

За те двадцать лет, что Дарси Демаржеласс-Белл была моей лучшей подругой, я почти никогда не слышала, чтобы она кричала. Она чрезвычайно терпелива и сердобольна, не из тех, кто слишком остро реагирует. Недавно, однако, я стала свидетельницей нескольких неоправданных вспышек гнева и необычной для нее раздражительности по отношению к своим детям и Оливеру. С моей стороны нехорошо так говорить, поэтому я не облакаю мысли в слова. Эта доброта — плата за дружбу, когда вы невольно ошибаетесь, спотыкаясь о недостатки друг друга, а затем пытаетесь сгладить ситуацию.

* Спин-класс — вид велотренировок с высокой интенсивностью.

Тишина снова опускается на шато, точно брезент. Сползаю с кровати и тянусь за брошенной на бархатный диван оливкового цвета футболкой, быстро натягиваю ее. Мои ноги дрожат на терракотовых плитках. На мгновение меня завораживает вид из окна: ухоженная территория, тихий бассейн, мерцающая луна. Эта звездная ночь похожа на сцену с картины Винсента Ван Гога, отдохавшего в санатории неподалеку и написавшего там свои самые известные полотна. Его музой был этот горизонт, который оставил во мне неизгладимый след.

Я думаю о том, в чем поклялась себе перед приездом сюда. О том, что обязана сделать.

Затем мой взгляд натывается на темную фигуру у края бассейна, бредущую вдоль живой изгороди. Раф? Садовник. Но с чего бы ему разгуливать в такой час? Я подхожу ближе к окну и наблюдаю, как он уходит, скрываясь за углом. Полагаю, возвращается в свой маленький коттедж на окраине поместья.

Летняя пора в Сен-Реми-де-Прованс прекрасна. Июнь. Я никогда не бывала здесь в этот период, хотя в грандиозном шато Серафины я не впервые. Когда мы познакомились с Дарси во время учебы в Авиньоне, находящемся в пятнадцати милях отсюда, она обычно возила всех нас в течение семестра навестить свою бабушку. В это время года в сельской местности благоухают лавандовые поля, служащие фоном для фотографий всем стекающим сюда туристам. Однако, несмотря на лето, мои зубы стучат так громко, словно кто-то колотит дверным молотком. Кто-то дергает ниточки моих нервов.

Дарси расположилась наверху, дальше по коридору от апартаментов своей бабушки. Напротив — комната Викс. Арабель и я находимся на первом этаже в холле у лестницы, друг напротив друга. Чтобы я услышала крик Дарси с верхнего этажа в этом огромном доме, она должна была кричать очень громко, верно? Я прикусываю губу, затем направляюсь к двери. Шарканье ног эхом раздается впереди меня.

— Арабель? — зову я. Ответа нет. В любом случае, она, кажется, проходила мимо раньше, не так ли?

Моя голова затуманена после вечернего кутежа и гудит от того, чем я занималась совсем недавно. Боже, сколько же я выпила вчера вечером? Обычно я не перебарщиваю. Зачем я позволила Дарси настоять на последней порции пастиса*?

Улавливаю голоса наверху, но пока не могу их различить. Тени отскакивают от стен, как незваные гости.

Внезапно я слышу сдавленные рыдания. Теперь ясно, что наша жизнь разделится на «до» и «после» этой ночи. Это заявление может прозвучать драматично, но у меня есть способность предвидеть трагическое развитие событий. Не благодаря моей уникальности — этот талант достался мне от предков. Но есть ли разница, если это глубоко внутри?

Холодный каменный пол поглощает звук моих неуверенных шагов. Станным образом я не могу заставить себя подняться на последнюю ступеньку. Мои ноги-ледышки напоминают о Дарси. Она годами пыталась забеременеть, и очередной врач спросил, носит ли она тапочки. Когда она ответила «нет», потому что ей нравится ощущать дерево под ступнями, он пожал плечами: «*Холодные ноги — холодная матка*». Услышав такое, я почувствовала непреодолимое желание врезать тому парню. Вместо этого я принесла ей тапочки-угги. Я помню, как мы с Дарси обнимались, и я свирепо произнесла: «Теплая, блин, матка. Окей?»

Наконец, миновав лестничную площадку, я вижу распахнутую дверь в апартаменты Серафины. Внутри роскошной комнаты Арабель маячит у дверного проема, ее лицо бледное — почти того же серого цвета, что и ее шелковая пижама. У внушительной кровати из красного дерева с богатой резьбой и балдахином стоит Викс, рядом на коленях — Дарси. Я медленно приближаюсь. Мой взгляд

* Анисовая настойка.

ШАТО

мечется от малиновых пятен на простынях к неподвижной фигуре и ножу, вонзенному ей в грудь.

Да, старая сука мертва.

Я закрываю глаза, и рука привычным жестом тянется к колье на моей шее. Один бриллиант. Единственный сохранившийся.

Открыв глаза, пытаюсь придать своему лицу расстроенное выражение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДАРСИ

«Приезжайте отметить коллективное вступление в средний возраст с женщиной настолько старой, что она заставит вас почувствовать себя молодыми».

Я провожу пальцами по бумаге густого кремового цвета с тиснением в виде бабушкиного герба. Три льва, удерживающих корону. И если не каллиграфия, то герб уж точно прямо говорит: *«Мы важные люди»*.

Что ж, стоит признать — деньги *Grand-mère** тоже кричат об этом.

Мне нравится этот герб. Я использую его в качестве заставки на рабочем столе своего стационарного компьютера.

Средний возраст, хотя... разве сорок — это средний возраст? Конечно нет. Это про пятьдесят, верно? Или, по крайней мере, про сорок пять. Впрочем, предоставим *Grand-mère* возможность пустить шпильку в наш адрес.

В любом случае, сорок мне исполнилось два месяца назад, Викс — полгода, Арабель — два года назад. Она — бабуля нашего небольшого коллектива, и благосклонно принимает это звание. Наверное, потому что сногшибательна и все еще способна кружить головы. Не говоря о том, что выглядит максимум на тридцать два. А Джейд — малышка. Ей только тридцать девять. Завтра у нее день рождения,

* Бабушка (фр.).

и мы все вместе соберемся в шато. Джейд просит не изменять традиции: она хочет чего-то скромного, однако мы планируем грандиозный прием. Вернее, я. Именно я планирую подобные вещи, но скажу, что это от всех нас. Сороковой день рождения заслуживает большого сюрприза. Хотя в свое время, когда я сказала, что не хочу для себя ничего пышного, Джейд устроила мне уютный званый ужин в своем доме в Хэмптонсе. С перепелами. Почему-то воспоминание об их вкусе опять вызывает у меня раздражение.

— Мама. — Нежные пальчики Милы трогают меня за плечо. — Мы уже на месте?

— Пока нет. — Я с нежностью смотрю на прекрасное, наивное личико моей четырехлетней дочери: светлые волосы, как у меня, большие голубые глаза, как у Оливера. Дети взяли от нас все лучшее — и она, и Чейз. Вполне заслуженно. В конце концов, результат оправдал наши усилия. — Мы все еще снижаемся, ангел. Почти на месте.

— Ну, когда мы приедем во Францию, — Мила произносит это со среднезападным акцентом своего отца, — можно я сфотографирую мир?

— Конечно. — Я искренне улыбаюсь Оливеру, сидящему по другую сторону от дочери, хотя у меня сводит живот. Оливер улыбается в ответ, обездвиженный нашим спящим полуторагодовалым сыном Чейзом, которого все еще можно перевозить на руках. Я знаю, что позже мы будем цитировать друг другу фразу «сфотографирую мир», удовлетворенно кивая, глядя на созданных нами прекрасных людей.

Мила снова сосредотачивается на козочках, которых раскрашивает в своей книжке-раскраске «Прованс». Я нашла ее в одном из тех нишевых франкофильских магазинов в Уильямсбурге, где толпятся бруклинские родители, чтобы приобщить своих детей к культуре.

Я снова смотрю на приглашение, в который раз перечитывая странную фразу, нацарапанную чернилами на французском, прямо под каллиграфической надписью. Ее перевод гласит: *«И, Дарси, я должна поговорить с тобой о своем завещании. Напомни мне, если я забуду».*

Завещание *Grand-mère*? Страх съедает меня изнутри. И почему она должна о нем забыть?

В девяносто четыре года ее память по-прежнему исключительна. Она помнит каждую горничную и десятки их проступков. Всех моих друзей — и их проступки тоже. Ее плохие воспоминания всегда были важнее хороших. Но мы не виделись целый год. Может, ситуация ухудшилась? Мы не общаемся по телефону. *Grand-mère* не доверяет ни телефону, ни Интернету. Она доверяет письмам. Письма — это цивилизованно. (Факсимильный аппарат, как ни странно, разрешен. Вот почему я единственный человек в районе большого Нью-Йорка, у которого он все еще имеется.) У *Grand-mère* много убеждений, и она ожидает, что все вокруг нее будут разделять их.

Почему *Grand-mère* предложила мне и моим подругам эту поездку? Этот вопрос крутился у меня в голове в течение нескольких недель, с тех пор как она позвала нас. В последний раз она собирала нас вместе почти двадцать лет назад. Ей, конечно, нравятся мои друзья. Мы обычно посещали ее замок по выходным, пока учились за границей. Но это было давным-давно. И почему приглашены только женщины? Без мужей? Без детей?

Остальные думают, что приглашение безобидное — пожилая леди ищет развлечений. Но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы быть уверенной — за ним кроется нечто большее.

Я отворачиваюсь к иллюминатору, чтобы полюбоваться видом, но по пути отвлекаюсь на растрепанные волосы Милы, едва заметный пушок Чейза и густые черные волосы Оливера. Он недавно сменил прическу — сбрил виски. Я думаю о тысячах раз, когда мои руки запутывались в волосах мужа. Мне нравится смотреть на мою семью, на всех троих. Один. Два. Три. Радоваться, что они есть. Вспоминать. Волосы превращаются в любовь, превращаются в секс, превращаются в... более темные вещи тоже.

Однако сейчас я жадно впитываю открывающийся вид. Мы почти в Авиньоне, вот только все как-то не так. Меня

переполняет разочарование, но не удивление. Я ожидала притупления влияния, которое это место оказывало на меня. Я как наркоман, который слишком часто прибегал к своему наркотику. Сейчас уже не найти достаточно большой дозы, чтобы заставить меня забыть. Раньше первый же взгляд на деревья внизу ободрял меня, но теперь, когда облака рассеялись и зелень сменилась коричневым, я чувствую себя одинокой лодкой, болтающейся без якоря в открытом океане.

Несмотря на то, что Оливер и дети не были приглашены, мы решили устроить из поездки семейный отдых. Они останутся в городе и займутся своими делами, а затем, после встречи с друзьями, мы все отправимся в Париж. Это стало небольшим камнем преткновения между мужем и мной, потому что наши финансы совсем не благоприятствовали подобному путешествию. Он упорствовал, заявив, что поездка вряд ли уменьшит наш долг по кредитной карте. Что пугающе верно. Но, в конце концов, *Grand-mère* покрыла большую часть дорожных расходов. И я испытываю огромное облегчение, хотя и буду в первый раз в жизни ночевать вдали от своих детей, но всего лишь в нескольких милях, а не за океаном. Джейд решила приехать без своей семьи, потому что ее дети подросли и сейчас находятся в лагере, а муж является директором венчурного фонда, что означает круглосуточную работу. Вики недавно пережила разрыв, и у нее нет детей. Арабель, тоже бездетная, живет в Ницце со своим мужем, который остался, чтобы управлять их отелем, одним из самых шикарных на юге Франции. Сегодня она прибудет в Сен-Реми.

Меня могло бы обидеть, что *Grand-mère* не хочет видеть собственных правнуков, но что толку? Бесплезно переживать, если ничего нельзя исправить. Это убеждение я переняла непосредственно от нее. Насколько я помню, ей потребовалось немало времени, чтобы научить меня этому. Мне было шесть, мы пили чай, и у меня от напряжения дрожали руки, потому что я старалась ничего не пролить и не оставить крошек на старинном парчовом диване.

Мы снова соберемся впятером. *Grand-mère* и ее девочки. Так она обычно говорила с невероятной нежностью, какую я редко замечала в ее словах. И эта нежность была направлена не на бабушку, отца или меня. Она была адресована моим друзьям. Или, вполне возможно, только Викс — ее прекрасной, драгоценной Виктории.

Интересно, смогу ли я это сделать?

Я — мать. Джейд недавно упрекнула меня в том, что я чересчур серьезно воспринимаю этот статус. Она не хотела меня ранить, но слова причинили боль. Я знаю, что воспринимаю материнство как главную свою характеристику, то, что определяет меня. До этого я была пуста, а появление детей наполнило мою жизнь.

Но Джейд зачатие далось легко. Сразу, как она отказалась от противозачаточных, когда они с Себом особо не старались, но и не отказывались от попыток. От этих «ой-я-так-быстро-забеременела» у меня до сих пор произвольно сжимаются кулаки.

А потом, сразу после того, как у нее снова начались месячные, когда Си не было и года, они зачали Лакса. Я всегда радовалась за Джейд, не поймите меня неправильно. Хотя, даже убеждая себя таким образом, я понимаю, что под радостью за подругу скрывается нечто большее, что я не желаю разглядывать. Просто Джейд относится к тому типу людей, которые думают, что жизнь подчиняется их воле. И поскольку она так считает, так оно и происходит.

В то время как я склонна считать, что жизнь — это колода игральных карт. И вы не можете выбрать, что будет в руке, но можете выбрать свою игру.

Эта неделя с *Grand-mère* и моими друзьями — моя рука. И у меня есть план. Единственный вопрос в том, хватит ли у меня мужества довести его до конца.

Самолет резко снижается, и у меня сводит желудок, взгляд останавливается на Оливере. Он одаривает меня легкой улыбкой, подчеркнутой ямочкой на левой щеке. Той самой опьяняющей улыбкой, из-за которой чуть более десяти лет назад я потеряла голову. Раньше я думала, что она

означает: «Я хороший человек. Я буду любить тебя и заботиться о тебе до конца».

Думаю, в ста процентах случаев мы видим только то, что желаем видеть.

— Почти на месте, — произносит Оливер одними губами. Я делаю над собой усилие, изображая подобие улыбки.

Затем его глаза закрываются, голова склоняется к иллюминатору, и я знаю, что мой муж собирается вздремнуть. До приземления десять минут, но он постарается использовать это время максимально продуктивно. Оливер чемпион по засыпанию — быстро, крепко и надолго, его трудно разбудить. Полная противоположность мне.

Мои пальцы нащупывают телефон. Я сразу открываю семейный альбом, листаю снимки, пока не натыкаюсь на конкретную фотографию. Дети в праздничной одежде, держащие шоколадных кроликов, Чейз скалит зубки, намереваясь отхватить фигурке голову. Чейз — мой чудо-ребенок во многих отношениях, переживший операцию на открытом сердце еще новорожденным. Если бы фотографии могли говорить о количестве просмотров, то по этой можно было бы определить, что я по меньшей мере тысячу раз открывала ее, увеличивала масштаб, разглядывала, пока у меня не начинали болеть глаза от яркого света экрана. Мои дети рядом, прямо здесь, и все же мне нравится вспоминать недалекое прошлое и глядеть на их прелестные личики. Фото сделано всего несколько месяцев назад, когда все было гораздо проще.

Внезапно я обретаю уверенность. Я могу это сделать. Могу — и сделаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВИКС

— Я все еще не могу поверить, что ты взяла багаж, Викс. — Джейд не смотрит ни на меня, ни на мой, по общему признанию, переполненный чемодан. Она снова прибегает к своей классической триаде «Pillow Talk»* — губная помада, блеск и карандаш для губ. Последний наносится с помощью трюка, который она увидела в *TikTok*: ей приходится надувать губы, из-за чего она становится похожа на забавного моржа.

Я пожимаю плечами.

— Вы с Арабель всегда выглядите как на подиуме. Я решила подняться на новый уровень.

Я слышу приятный щелчок колпачка губной помады, потягивая кофе со сливками. Я даже заказала его, как это делают крутые француженки, называя *un crème*. Это, пожалуй, единственная привычка, оставшаяся от учебы за границей. В любом случае, в кофеине я сейчас нуждаюсь сильнее, чем в чем-либо еще.

— Ты — та девушка, которая настояла на одном рюкзачке в Камбодже, Виксен**, — лукаво ухмыляется Джейд. — Э-э... то есть... Викс.

* Pillow Talk (с *англ.* — «интимный разговор») — известный бренд уходовой и декоративной косметики.

** Игра слов: Виксен — форма имени одной из героинь, Викс, а также лисица (от *англ.* *vixen*).

Тишина. Я смотрю в пол, беру себя в руки. Странно, как это прозвище — так меня всегда называли мои самые близкие друзья — может внезапно пробудить во мне нечто, раскаленное докрасна.

— В Камбодже мы были практически младенцами, — отвечаю я, выкидывая «Виксен» из головы. — В двадцать с небольшим ты можешь каждый день надевать шаровары со слонами и все равно выглядеть сексуально. Кстати, я *действительно* выглядела сексуально. Хочешь, я реанимирую слоновьи штаны?

Джейд улыбается.

— Нет, я не хочу, чтобы ты носила шаровары. Я имею в виду... то есть... делай, как тебе удобно.

— Я всегда так и делаю.

— А вообще, надень-ка их, пожалуйста. На ужин. Хочу увидеть лицо Серафины.

Я натянута улыбаюсь. Джейд все еще разглядывает меня с подозрением, как частный детектив, и я ее понимаю. Минимализм — одно из качеств, которым я горжусь. Например, после самолета я сменила спортивный костюм на уличную одежду: черные велосипедки, бежевую футболку и черные клепаные сандалии, которые Дарси называет ортопедическими. (Хотя, думаю, поколение Z посчитало бы именно ее одежду старомодной. Ну и кто здесь антиквариат?) Минимализм разумен и экологичен. Я не понимаю нежелания Джейд носить одежду повторно. Когда вы приобретаете идеальную вещь, самую красивую в своей категории, ту, которую искали, в которую вложили деньги, почему бы вам не надевать ее снова и снова?

Я — та подруга, которой Джейд звонит, когда Себ заставляет ее отобрать лишь несколько из десяти пар обуви, которые она возьмет с собой на выходные в Копенгаген. *«Нет, две пары черных ботинок тебе не понадобятся. Нет, танкетки — это не отдельная категория».*

Я не намерена сейчас спорить по поводу одежды, мне не терпится сменить тему и перестать обсуждать мой багаж.

— Девчонки! *Bonjour!* Раф уже здесь! — Слава богу, появилась Дарси. Она врывается внутрь не с типичным спокойствием и уравновешенностью, а на волне неистовой энергии, вся увешанная сумками.

— Кто такой Раф? — интересуюсь я.

Дарси коротко чмокает Джейд в щеку; они, без сомнения, виделись в течение последних нескольких дней, потому что эти двое все делают вместе. Я, как и они, живу в Нью-Йорке, но у них есть дети и соответственно куда больше общих тем для разговоров. Что касается меня — прошла неделя с тех пор, как мы с Дарси виделись в последний раз. Она подходит, раскрыв объятия, и у меня начинается извечный спор с самой собой: обнять или неловко уклониться. Проще просто обнять. Но все равно я не могу не поморщиться.

— О черт! — Дарси отшатывается назад и изучает меня тем озабоченным взглядом, который я уже начала ненавидеть. — Черт, Викс. Не понимаю, как я могла забыть. — Она делает паузу, затем говорит: — Они кажутся больше.

— Доктор снова увеличил их.

Четыре месяца назад мне сделали профилактическую мастэктомию и реконструкцию груди. Это было ответственное решение. Не могу объяснить, сколько раз оно эхом отзывалось во мне после. Я оказалась одной из счастливиц с нулевой стадией. Рак обнаружили в молочных протоках, он не распространялся дальше, но это могло произойти. Я не хотела оперироваться: большинство случаев рака молочной железы нулевой стадии никогда не прогрессируют. Но моя близкая подруга и соседка Джулиет настояла. Потому что, видите ли, у меня мутация BRCA 1 и 2, что означало риск развития рака молочной железы в гораздо худшей форме. Она заявила, что мне нужно думать не только себе, но и о людях, которые любят меня. И в результате я согласилась. А после того, как я сделала операцию, Джулиет прекратила наше общение и без предупреждения съехала с квартиры.

Полагаю, обвинения в ее адрес не совсем справедливы. Все гораздо сложнее, как и в любых взаимоотношениях. Маленькая ложь, за ней следует большая... Серафина и даже эта